

**Международный пакт
о гражданских и политических
правах**

Distr.: Restricted*
30 November 2010
Russian
Original: English

Комитет по правам человека

Сотая сессия

11–29 октября 2010 года

Соображения

Сообщение № 1621/2007

<i>Представлено:</i>	Леонидом Райхманом (известен также как Leonīds Raihmans) (представлен адвокатом Алексеем Димитровсом)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	Автор сообщения
<i>Государство-участник:</i>	Латвия
<i>Дата сообщения:</i>	1 июня 2007 года (первоначальное представление)
<i>Справочная документация:</i>	Решение Специального докладчика в соответствии с правилом 97 правил процедуры, препровожденное государству-участнику 27 ноября 2007 года (в виде документа не издавалось)
<i>Дата принятия Соображений:</i>	28 октября 2010 года
<i>Тема сообщения:</i>	Написание имени и фамилии автора согласно нормам орфографии латышского языка в документах, удостоверяющих личность
<i>Процедурные вопросы:</i>	Неисчерпание внутренних средств правовой защиты

* Публикуется по решению Комитета по правам человека.

<i>Вопросы существа:</i>	Произвольное и незаконное вмешательство в частную жизнь; запрещение дискриминации; защита меньшинств
<i>Статьи Пакта:</i>	Статья 17, рассматриваемая отдельно и в сочетании с пунктом 1 статьи 2; статья 26 и статья 27
<i>Статьи Факультативного протокола:</i>	Статьи 1; 2; 5, пункт 2 б)

28 октября 2010 года Комитет по правам человека принял прилагаемый текст в качестве Соображений Комитета в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола в отношении сообщения № 1621/2007.

[Приложение]

Приложение

Соображения Комитета по правам человека в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах (сотая сессия)

относительно

Сообщения № 1621/2007**

<i>Представлено:</i>	Леонидом Райхманом (известен также как Leonīds Raihmans) (представлен адвокатом Алексеем Димитровсом)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	Автор сообщения
<i>Государство-участник:</i>	Латвия
<i>Дата сообщения:</i>	1 июня 2007 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании 28 октября 2010 года,

завершив рассмотрение сообщения № 1621/2007, представленного в Комитет по правам человека г-ном Леонидом Райхманом (известным также как Leonīds Raihmans) в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах,

приняв во внимание всю письменную информацию, представленную ему автором сообщения и государством-участником,

принимает следующее:

** В рассмотрении настоящего сообщения принимали участие следующие члены Комитета: г-н Абдельфаттах Амор, г-н Прафулладандра Натварлал Бхагвати, г-н Лазари Бузид, г-жа Кристина Шане, г-н Махжуб Эль-Хайба, г-н Ахмад Амин Фатхалла, г-н Юдзи Ивасава, г-жа Хелен Келлер, г-н Раджсумер Лаллах, г-жа Зонке Занеле Майодина, г-н Майкл О'Флаэрти, г-н Рафаэль Ривас Посада, сэр Найджел Родли, г-н Фабиан Омар Сальвиоли и г-н Кристер Телин. Текст особого мнения, подписанный членами Комитета г-ном Рафаэлем Ривасом Посадой и г-ном Кристером Телином, приводится в добавлении к настоящим Соображениям.

Соображения в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола

1.1 Автор сообщения, датированного 1 июня 2007 года, является Леонид Райхман (известный также как Leonīds Raihmans), гражданин Латвии, принадлежащий к еврейскому и русскоговорящему меньшинству. Он родился в 1959 году как "Леонид Райхман", и его имя и фамилия в таком виде были зарегистрированы государственными властями Советского Союза и использовались впоследствии до января 1998 года, когда латвийские власти изменили его имя и фамилию на нерусскую и нееврейскую форму "Leonīds Raihmans", хотя автор не давал согласия на это изменение. Он утверждает, что он стал жертвой нарушения Латвией статьи 17, рассматриваемой отдельно и в сочетании с пунктом 1 статьи 2, статьи 26 и статьи 27 Международного пакта о гражданских и политических правах. Он представлен адвокатом Алексеем Димитровсом. Международный пакт о гражданских и политических правах вступил в силу для Латвии 14 июля 1992 года, а Факультативный протокол – 22 сентября 1994 года.

1.2 30 января 2008 года Специальный докладчик по новым сообщениям и временным мерам решил, что вопрос о приемлемости сообщения следует рассматривать совместно с его существом.

Факты в изложении автора

2.1 Автор является гражданином Латвии, принадлежащим к еврейскому и русскоговорящему меньшинству. Он родился в 1959 году как "Леонид Райхман", и его имя и фамилия в таком виде были зарегистрированы государственными властями Советского Союза и использовались впоследствии, в том числе в его паспорте гражданина СССР, до января 1998 года. На том этапе автор получил паспорт "негражданина Латвии", в котором его имя и фамилия были изменены на нерусскую и нееврейскую форму "Leonīds Raihmans", хотя автор не давал согласия на это изменение. В январе 2001 года, став гражданином Латвии в результате натурализации, он получил латвийский паспорт, где были указаны те же имя и фамилия: "Leonīds Raihmans". Автор заявляет, что "Райхман" – это еврейская фамилия, которую носили до него, по крайней мере, его отец, дед и прадед. Его сын родился в 1989 году также под фамилией "Райхман".

2.2 Автор безуспешно пытался добиться того, чтобы его имя и фамилия были официально зарегистрированы не в их латышской форме, а в соответствии с их изначальным русским и еврейским звучанием, а именно "Леонид Райхман". 10 февраля 2004 года автор подал ходатайство в "Центр государственного языка"¹, в котором он просил этот орган принять решение, санкционирующее написание его фамилии ("Raihman") без буквы "s" в конце, требуемой согласно грамматическим правилам латышского языка для мужских имен. Он также просил, чтобы в таком решении было позволено писать его имя ("Leonid") с буквой "i" вместо "t". Автор утверждает, что введение властями государства-участника латышского написания его фамилии и имени составляет нарушение статьи 91 (недискриминация) и статьи 114 (право на сохранение этнической и культурной самобытности) Конституции Латвийской Республики, статей 17, 26 и 27 Пакта, а также статей 8 и 14 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. 20 февраля 2004 года его ходатайство было отклонено, поскольку Центр государственного языка пришел к заключению, что решение Центра не

¹ Центр государственного языка, подведомственный Министерству юстиции, осуществляет надзор за соблюдением Закона о государственном языке (1999 года).

может рассматриваться как административный акт, который может иметь обязательную силу для органа, занимающегося выдачей паспортов.

2.3 18 марта 2004 года автор оспорил решение Центра государственного языка в районном суде по административным делам, который отклонил его заявление 11 мая 2004 года. 16 июля 2004 года это решение было поддержано окружным судом по административным делам. 3 августа 2004 года Верховный суд вернул дело в районный суд по административным делам, признав, что решение Центра государственного языка является административным актом и что следует рассмотреть вопросы существа дела. 5 ноября 2004 года районный суд по административным делам отклонил заявление автора на том основании, что Центр государственного языка принял свое решение на основе Закона о государственном языке (1999 года) и Правил № 295 о написании и идентификации имен и фамилий (от 22 августа 2000 года). Суд постановил, что Центр не вправе выносить решение о написании имени, поскольку личные имена могут писаться лишь на латышском языке на основе применимой системы, установленной законом. Суд по административным делам также сослался на решение Конституционного суда Латвии², в котором последний подтвердил, что статья 19 Закона о государственном языке (1999 года)³ соответствует Конституции. В этом решении Конституционный суд пришел к заключению, что введение латышского написания всех личных имен в официальных документах представляет собой ограничение, необходимое для достижения законной цели "обеспечения права других жителей Латвии свободно пользоваться латышским языком на всей территории Республики и защиты демократической государственной системы, а также содействия укреплению стабильности системы латышского языка".

2.4 21 ноября 2005 года окружной суд по административным делам поддержал это решение, сославшись на решение Конституционного суда от 21 декабря 2001 года. Суд также отметил, что согласно статье 19 2) Закона о государственном языке лицо может ходатайствовать о том, чтобы в официальных документах его/ее имя и фамилия были также воспроизведены в их оригинальной форме⁴. Суд далее подчеркнул, что личное имя и фамилия главным образом отражают принадлежность к определенной семье и родине, но лишь в исключительных случаях могут отражать принадлежность к этнической группе. Суд счел, что ограничение, устанавливаемое Законом о государственном языке, вызывает вопросы, касающиеся неприкосновенности частной жизни, но не права на этническую самобытность. Суд далее отметил, что такое ограничение не нацелено на "латышизацию" имен и фамилий, а лишь предполагает их корректировку с учетом особенностей латышской грамматики.

² Дело № 2001-04-0103 от 21 декабря 2001 года.

³ Статья 19 Закона о государственном языке предусматривает:

1) Личные имена указываются в соответствии с традициями латышского языка и пишутся в соответствии с существующими нормами литературного языка с соблюдением положений пункта 2 настоящей статьи.

2) Помимо имени и фамилии, указываемых в соответствии с существующими нормами латышского языка, в паспорте или свидетельстве о рождении указывается историческая фамилия или оригинальная форма имени и фамилии на другом языке в латинской транслитерации, если данное лицо или родители несовершеннолетнего лица желают того и могут представить соответствующее документальное подтверждение.

3) Письменная форма и идентификация имен и фамилий, а также письменная форма и использование в латышском языке иноязычных личных имен регулируются правилами, издаваемыми Кабинетом министров.

⁴ Там же, пункт 2.

2.5 16 мая 2006 года Верховный суд (Коллегия по административным делам) на тех же основаниях поддержал решение окружного суда по административным делам в отношении добавления буквы "s" в конце фамилии автора. Что касается написания его имени с буквой "t" вместо "i", то этот вопрос был возвращен в окружной суд по административным делам для его рассмотрения по существу. В связи с этим автор заявляет, что он исчерпал внутренние средства правовой защиты в отношении написания его фамилии с буквой "s". Верховный суд подтвердил, что оспариваемое законодательное ограничение соразмерно преследуемой им законной цели и что в связи с ним не возникает вопросов, касающихся равенства, поскольку оно устанавливает равный режим для всех имен и фамилий вне зависимости от их происхождения.

Жалоба

3.1 Автор заявляет, что законодательное требование, устанавливающее латышское написание для его фамилии и имени в официальных документах, составляет нарушение его прав по статье 17, рассматриваемой отдельно и в сочетании с пунктом 1 статьи 2, статье 26 и статье 27 Пакта. В отношении статьи 17 автор утверждает, что право на сохранение его имени и фамилии, включая их графическое изображение в письменном виде, является одним из важнейших элементов его самобытности. Он указывает, что его право на оригинальное написание его имени и фамилии является составной частью его права не подвергаться произвольному или незаконному вмешательству в его частную жизнь⁵. Автор считает, что в данном случае его имя и фамилия были изменены на односторонней основе и без его согласия, с тем чтобы обеспечить соответствие латышским нормам написания. Он считает, что такое вмешательство в его частную жизнь носит произвольный характер. Он дополнительно указывает, что латышское написание его имени и фамилии "выглядит и звучит странно", поскольку оно не передает какие-либо еврейские, русские или латышские имена и фамилии. Это влечет за собой различные последствия в его повседневных делах, такие как отказы в совершении банковских операций, задержки на паспортном контроле в аэропортах, а также другие неудобства в повседневной жизни. Автор также заявляет, что отсутствие возможностей использовать свои изначальные имя и фамилию оказывает также значительное влияние в личном плане, особенно в его отношениях с русскоговорящей и еврейской общинами.

3.2 Автор далее утверждает, что в связи со своим языком и этническим происхождением он оказался в менее благоприятном положении, чем другие жители Латвии. В отличие от него, лица, принадлежащие к общине, говорящей на латышском языке (в основном этнические латыши), могут использовать свои собственные имена и фамилии без изменений. Исходя из этого, он заявляет, что вмешательство государства-участника в его частную жизнь составляет дискриминацию по признаку языка и этнического происхождения в нарушение статьи 17, рассматриваемой отдельно и в сочетании с пунктом 1 статьи 2. Автор дополнительно указывает, что такое вмешательство является чрезмерным и необоснованным, поскольку оно не имеет отношения к официально провозглашенной цели обеспечения того, чтобы латыши имели возможность пользоваться своим языком. В связи с этим он утверждает, что данная мера является произвольной.

⁵ Автор ссылается на сообщение № 453/1991, *Корнел и Орик против Нидерландов*, Сообщения, принятые 31 октября 1994 года, пункт 10.2.

3.3 В отношении статьи 26 автор заявляет, что это положение предусматривает отдельное право и запрещает прямую и косвенную дискриминацию. Он отмечает, что законодательство, принятое государством-участником, которое может показаться нейтральным, может, тем не менее, приводить к дискриминации в нарушение статьи 26, если оно оказывает негативное влияние на определенную категорию лиц, не будучи основанным на объективных и разумных критериях⁶. Латышский язык является родным языком приблизительно 58% населения страны. Таким образом, законодательные ограничения, направленные на преобразование иностранных имен в имена, соответствующие латышской грамматике, оказывают негативное влияние на значительную часть населения, не принадлежащую к числу этнических латышей, которая де-факто лишена привилегии, имеющейся у большинства этнических латышей, т.е. возможности пользоваться своим именем и фамилией. По мнению автора, этот результат несоизмерен цели, намеченной государством-участником, которая сама по себе является сомнительной.

3.4 Касаясь статьи 27, автор заявляет, что русское языковое меньшинство существовало в Латвии на протяжении веков и составляет около 37,5% населения страны. Он добавляет, что русский язык является родным языком для 79% латвийских евреев. Автор подчеркивает, что личное имя и фамилия, в том числе их написание, являются одним из важнейших культурных элементов для этнических, религиозных и языковых общин и тесно связаны с их самобытностью. Он дополнительно указывает, что право пользоваться своим языком между представителями меньшинства является одним из важнейших прав, охватываемых статьей 27 Пакта. По мнению автора, отказ властей государства-участника принять изначальное написание его имени и фамилии составляет отрицание его права пользоваться своим собственным языком в отношении с другими представителями его общины – как русскими, так и евреями. Он дополнительно отмечает, что он сталкивается с определенной формой принудительной ассимиляции, которая является несовместимой с целью и задачей статьи 27⁷.

Замечания государства-участника в отношении приемлемости сообщения

4.1 28 января 2008 года государство-участник оспорило приемлемость сообщения. Прежде всего, оно заявило, что автор не исчерпал внутренние средства правовой защиты, как того требует статья 2 Факультативного протокола и правило 90 f) правил процедуры Комитета. В распоряжении автора имелось эффективное средство правовой защиты, предлагаемое Конституционным судом. Государство-участник заявляет, что в своем решении от 21 декабря 2001 года Конституционный суд вынес заключение по вопросу о конституционности статьи 19 Закона о государственном языке, а также трех соответствующих связанных с ним правил⁸. Хотя Суд и согласился с конституционностью статьи 19 Закона о государственном языке, он пришел к заключению, что три оспариваемых правила противоречат Конституции. В результате этого все они были отменены и заменены новыми законодательными положениями⁹, которые еще не были ос-

⁶ Автор ссылается на Замечание общего порядка № 18 (Недискриминация), пункт 12.

⁷ Автор ссылается на Замечание общего порядка № 23 (Права меньшинств), пункт 9, и Комментарий г-на Новака к Пакту (1993 год), стр. 502.

⁸ Правило № 295 о написании и идентификации имен и фамилий, Правило № 310 о паспортах латвийских граждан и Правило № 52 о порядке применения Правила № 310.

⁹ Правило № 114 о написании и использовании личных имен в латышском языке, а также об идентификации, Закон о документах, удостоверяющих личность, и Правило № 378 о документах, удостоверяющих личность граждан, документах, удостоверяющих личность неграждан, паспортах граждан, паспортах неграждан и

порены на предмет их конституционной законности. Таким образом, автор не исчерпал имеющиеся в его распоряжении внутренние средства правовой защиты.

4.2 Государство-участник далее заявляет, что жалобу автора в связи со статьей 17 следует считать неприемлемой согласно статьям 1 и 2 Факультативного протокола как несовместимую *ratione personae*, поскольку автор не продемонстрировал того, что он является "жертвой" нарушения статьи 17 Пакта. Государство-участник подчеркивает, что после решения Конституционного суда от 21 декабря 2001 года оно предприняло ряд смягчающих мер, таких как принятие положения, согласно которому на странице 4 паспорта указывается оригинальная или историческая форма имени и фамилии владельца документа. Согласно статье 10 Правила № 295 о написании и идентификации имен и фамилий (которая применялась на тот момент, когда автору был выдан новый паспорт) форма личного имени на латышском языке имела идентичную юридическую силу с его оригинальной, исторической или транслитерированной формой. Этот же принцип продолжает применяться в статьях 145 и 146 Правила № 114 о написании и использовании личных имен в латышском языке, а также об идентификации. Государство-участник утверждает, что автору не было причинено никакого ущерба в результате того, что его имя и фамилия в паспорте были воспроизведены в латышской форме. Он не показал того, что латвийские государственные власти игнорировали или оспорили изначальную форму его имени и фамилии, или того, какие неудобства он испытал в результате этого. Неудобства, с которыми сталкивался автор в ходе его поездок, могут быть обусловлены действиями других государств, и ответственность за это нельзя возлагать на государство-участник. В результате этого нельзя считать, что латвийские власти нарушили право автора на неприкосновенность частной жизни согласно статье 17 Пакта.

4.3 Государство-участник аналогичным образом считает, что автор не показал для целей приемлемости, что он является жертвой *ratione personae* нарушения статьи 2 Пакта. Он не продемонстрировал того, что государство-участник виновно в упущениях, которые воспрепятствовали осуществлению им прав, гарантированных согласно этой статье. Требование относительно воспроизведения личных имен в соответствии с нормами латышской грамматики относится лишь к официальным документам. Автор по-прежнему волен использовать свои изначальные имя и фамилию в своей частной жизни, профессиональной деятельности и в отношениях с родственниками и членами своей общины. Исходя из этого, государство-участник считает, что его заявление является неприемлемым согласно статье 2 Факультативного протокола. При этом государство-участник утверждает, что заявление автора является необоснованным.

4.4 В отношении пункта 1 статьи 2 Пакта государство-участник считает, что это положение не может быть задействовано непосредственно и отдельно. Поскольку автор не показал, что он является жертвой нарушения статьи 17, он не может утверждать о наличии нарушения пункта 1 статьи 2, взятого отдельно.

4.5 Касаясь заявлений автора в связи со статьей 26, государство-участник утверждает, что автор не показал для целей приемлемости, что он подвергся дискриминации по признаку языка и этнического происхождения. Законодательные положения, предусматривающие воспроизведение личных имен на латышском

проездных документах лиц без гражданства (которое предусматривает, что на четвертой странице паспорта указывается оригинальная форма личных имен).

языке, в равной мере применимы ко всем личным именам, регистрируемым в паспортах.

Замечания государства-участника в отношении существа сообщения

5.1 27 мая 2008 года государство-участник отвергло факт нарушения статьи 17, рассматриваемой отдельно или в сочетании с пунктом 1 статьи 2. Имя и фамилия автора были не изменены, а лишь воспроизведены согласно соответствующим нормативным положениям, применимым к именам иностранного происхождения. Статья 17 Пакта не предусматривает защиту права на имя, поскольку в тексте этого положения нет прямого упоминания имени, и ни в Замечании общего порядка № 16, ни в предшествующих соображениях нет четкого определения сферы охвата права на невмешательство в частную жизнь. В связи с этим нельзя утверждать, что это право охватывает графическое представление имени, которое было изменено исключительно для того, чтобы адаптировать его к особенностям латышского языка. Таким образом, эта мера не ущемляет права автора согласно статье 17. Наряду с этим государство-участник заявляет, что если Комитет считает иначе, то право на невмешательство в частную жизнь не является абсолютным правом и вмешательство, которому подвергся автор, преследовало законную цель обеспечения должного функционирования латышского языка как целостной системы, что составляет социальную необходимость. Государство-участник далее подчеркивает, что принятая мера является разумной в свете преследуемой цели. Оно добавляет, что эта мера была предусмотрена законом и, соответственно, является законной, а не произвольной.

5.2 В отношении пункта 1 статьи 2 государство-участник заявляет, что автор не продемонстрировал того, что он подвергся дискриминации по признаку языка или этнического происхождения. Оно утверждает, что обращение с автором было таким же, как и со всеми другими этническими латышами, имена которых также подвергаются грамматическому изменению в зависимости от рода.

5.3 В отношении статьи 26 государство-участник аналогичным образом вновь указывает, что положения, регламентирующие воспроизведение имен в официальных документах, в равной мере применяются ко всем личным именам вне зависимости от языка или этнического происхождения¹⁰. В результате этого государство-участник утверждает, что заявление автора в связи со статьей 26 является необоснованным.

5.4 В отношении статьи 27 государство-участник вновь заявляет, что статья 19 Закона о государственном языке регулирует лишь воспроизведение личных имен в официальных документах. Она не распространяется на использование оригинальной или исторической формы личного имени в частных контекстах, в том числе в рамках этнических общин. Автор не показал, что ему было отказано в праве на использование своего имени и фамилии в их оригинальной форме среди членов еврейской или русскоговорящей общины, и он не смог назвать ни одного учреждения или лица, которые воспрепятствовали бы ему использовать свое имя и фамилию в таком контексте. Государство-участник

¹⁰ Государство-участник ссылается на решения Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), в частности на решение по делу *Кухарец против Латвии*, заявление № 71557/01, в котором ЕСПЧ признал, что изменяемые родовые окончания добавляются ко всем личным именам в равной мере вне зависимости от того, происходят они из латышского или какого-либо иного языка. Исходя из этого, Суд решил, что обжалуемое обращение нельзя считать дискриминационным.

отмечает, что автор как раз использовал свое имя и фамилию в их оригинальной форме на вебсайтах в Интернете, а также в публикациях и исследованиях. Оно приходит к заключению, что эта жалоба в связи со статьей 27 явно необоснованна или – в альтернативном варианте – не было никакого нарушения статьи 27.

Комментарии автора по замечаниям государства-участника в отношении приемлемости и существа сообщения

6.1 18 февраля 2009 года автор представил комментарии по замечаниям государства-участника в отношении приемлемости и существа сообщения. Касаясь вопроса об исчерпании внутренних средств правовой защиты, он заявляет, что в свете решения Конституционного суда от 21 декабря 2001 года в его распоряжении не было средства правовой защиты, которое обеспечивало бы разумную возможность для исправления ситуации¹¹. Он подчеркивает, что в этом решении Конституционный суд согласился с конституционностью политики "латышизации" имен и, хотя он и признал противозаконным юридическое положение, определяющее место указания оригинальных имен владельцев паспортов, на практике это просто означает, что историческая/оригинальная форма имени может теперь указываться на четвертой странице паспорта. Автор подчеркивает, что решения Конституционного суда имеют обязательную юридическую силу и если бы он обратился в эту инстанцию с жалобой по поводу законности статьи 19 Закона о государственном языке, которая уже рассматривалась Судом, то эта жалоба была бы признана неприемлемой. Дополнительным подтверждением тому служит тот факт, что это решение Конституционного суда нередко упоминалось на всем протяжении предпринятых им процедур.

6.2 Автор вновь указывает, что введенное ограничение в отношении написания его имени и фамилии является произвольной мерой, несовместимой со статьей 17, и что личное имя, в том числе его написание, является важнейшим элементом личной индивидуальности. Склоняемые окончания, добавляемые к его имени и фамилии, предполагают изменение в его имени, причем не только в его графическом изображении, но и в произношении. Предусмотренное в статье 19 2) Закона о государственном языке отступление, позволяющее указывать оригинальную форму имени и фамилии в паспортах и свидетельствах о рождении, распространяется лишь на эти конкретные документы. Нет также никакого свидетельства того, что историческая форма имени имеет юридическую силу официального варианта согласно закону. Автор оспаривает тот факт, что он волен использовать свое изначальное имя и фамилию в повседневной жизни, например при совершении банковских операций, и приводит примеры случаев, когда, несмотря на его просьбы, ему приходилось использовать официальную форму своего имени и фамилии для того, чтобы возобновить действие своей кредитной карты и своего водительского удостоверения. Ссылаясь на решение Комитета по делу *Кориела*¹², автор заявляет, что если статья 17 защищает право на изменение собственного имени, то она тем более защищает право на восстановление принудительно измененных имен. В заключение он предлагает Комитету признать, что в этом отношении государство-участник нарушило статью 17. Автор также вновь отмечает, что, поскольку языковая политика затрагивает лишь меньшинство, не говорящее на латышском языке, которое составляет значительную часть населения государства-участника, государство-

¹¹ Автор ссылается на сообщение № 437/1990, *Патиньо против Панамы*, решение о приемлемости, принятое 21 октября 1994 года, пункт 5.2.

¹² См. сноска 6 выше.

участник нарушило статью 17, рассматриваемую в сочетании с пунктом 1 статьи 2 Пакта¹³.

6.3 В отношении статьи 26 автор вновь заявляет, что Закон о государственном языке фактически приводит к дискриминации в отношении этнических и языковых меньшинств в Латвии, которым отказано в праве использовать свои имя и фамилию в соответствии с правилами своего собственного языка, что является привилегией этнических латышей. Автор вновь указывает, что такое ограничение несоразмерно преследуемой цели. В заключение он вновь заявляет, что в этом отношении государство-участник нарушило статью 26.

6.4 Касаясь статьи 27, автор вновь указывает, что его права согласно статье 27 были нарушены в результате отказа в возможности пользоваться своим именем и фамилией в повседневной и профессиональной деятельности, а также в отношениях с членами его общины.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

7.1 Прежде чем рассматривать какое-либо утверждение, содержащееся в сообщении, Комитет по правам человека должен в соответствии с правилом 93 своих правил процедуры решить, является ли сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

7.2 Для целей подпункта а) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола Комитет удостоверился в том, что данный вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

7.3 Что касается требования, изложенного в подпункте б) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола, и заявления государства-участника о том, что автор не исчерпал имеющиеся в его распоряжении средства правовой защиты, то Комитет отмечает, что автор безуспешно пытался добиться того, чтобы его имя и фамилия были зарегистрированы не в латышской форме, используемой в настоящее время в его официальных документах, удостоверяющих личность, а в их оригинальных русской и еврейской формах, а именно "Леонид Райхман". Автор обращался в Центр государственного языка, районный суд по административным делам, окружной суд по административным делам и, наконец, в Верховный суд, который поддержал решение окружного суда по административным делам относительно добавления конечной буквы "s" к фамилии автора. Комитет также принял к сведению решение Конституционного суда от 21 декабря 2001 года, подтверждающее конституционность статьи 19 Закона о государственном языке, которая предусматривает, что "личные имена указываются в соответствии с традициями латышского языка и пишутся в соответствии с существующими нормами литературного языка" (пункт 1). Комитет отмечает, что это решение использовалось в качестве прецедента, имеющего обязательную силу, во всех юридических решениях, принятых против автора. Он напоминает, что должны быть исчерпаны лишь те внутренние средства правовой защиты, которые имеются в распоряжении и являются эффективными. В данном случае жалоба автора касается непосредственно того вопроса, который уже рассматри-

¹³ Автор также ссылается на Заключительные замечания Комитета (CCPR/CO/79/LVA), пункт 19 (2003 год), в которых Комитет выразил обеспокоенность по поводу воздействия языковой политики на меньшинства, в том числе на значительное русскоговорящее меньшинство.

вался Конституционным судом в 2001 году. В связи с этим имеются разумные основания полагать, что если бы автор подал апелляцию в эту инстанцию, то она, по всей вероятности, была бы отклонена. В этих условиях Комитет приходит к заключению, что подпункт b) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола не препятствует ему рассматривать данное сообщение.

7.4 В отношении заявления государства-участника о том, что автор не смог показать, что он является "жертвой" по смыслу статьи 1 Факультативного протокола, в контексте его заявлений, касающихся статей 17 и 27 Пакта, Комитет напоминает, что ни одно лицо не может утверждать, что оно является жертвой по смыслу статьи 1 Факультативного протокола, пока его или ее права не были действительно нарушены, и что ни одно лицо не может оспаривать какой-либо закон или практику, которые оно считает противоречащими Пакту, абстрактно, путем *actio popularis*¹⁴. В данном случае Комитет приходит к заключению, что автор продемонстрировал достаточную процессуальную правоспособность, поскольку он в достаточной мере обосновал, что законодательство и политика в отношении государственного языка непосредственно ущемляют его права согласно статье 17, рассматриваемой отдельно и в сочетании с пунктом 1 статьи 2, статье 26 и статье 27 Пакта. В связи с этим он приступает к рассмотрению существа этих утверждений.

Рассмотрение сообщения по существу

8.1 В соответствии с пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола Комитет по правам человека рассмотрел данное сообщение с учетом всей представленной ему информации.

8.2 Что касается предполагаемого нарушения статьи 17, то Комитет принял к сведению заявление автора о том, что законодательное требование, устанавливающее латышское написание для его имени и фамилии в официальных документах после 40 непрерывных лет использования его оригинального имени и фамилии, привело к ряду повседневных затруднений и породило ощущение лишения и произвола, поскольку он утверждает, что его имя и фамилия "выглядят и звучат странно" в их латышской форме. Комитет напоминает, что концепция неприкосновенности частной жизни относится к той сфере жизни человека, в которой он или она может свободно выражать свою самобытность – либо в контексте отношений с другими людьми, либо индивидуально. Комитет далее выражает мнение, что фамилия составляет важный компонент самобытности человека и что защита от произвольного или незаконного вмешательства в частную жизнь включает защиту от произвольного или незаконного посягательства на право выбирать и менять свое имя и фамилию¹⁵. В данном случае имя и фамилия автора были изменены для того, чтобы обеспечить соблюдение латышских грамматических норм, в порядке применения статьи 19 Закона о государственном языке и других соответствующих правил. В связи с этим рассматриваемое вмешательство нельзя считать незаконным. Остается рассмотреть вопрос о том, является ли оно произвольным.

¹⁴ См. сообщение № 318/1988, *Э.П. и др. против Колумбии*, решение о неприемлемости от 25 июля 1990 года, пункт 8.2, Сообщение № 35/1978, *Аумеерудди-Чиффра и 19 других маврикийских женщин против Маврикия*, Соображения, принятые 9 апреля 1981 года, пункт 9.2, и сообщение № 1746/2008, *Гуайе против Франции*, решение о приемлемости, принятое 30 октября 2008 года, пункт 6.3.

¹⁵ См. сообщение № 453/1991, *Кориел и Орик против Нидерландов*, сноска 6 выше, пункт 10.2.

8.3 Комитет ссылается на свое Замечание общего порядка, касающееся права на личную жизнь¹⁶, в котором он указал, что выражение "произвольное вмешательство" может также распространяться на вмешательство, допускаемое законом. Комитет отмечает, что статья 19 Закона о государственном языке государства-участника предусматривает широкий и общий принцип, согласно которому все имена должны соответствовать нормам латышского языка и писаться согласно латышским правилам. Для имен иного этнического происхождения не предусмотрено никаких исключений. Комитет напоминает, что введение концепции произвольности призвано гарантировать, чтобы даже вмешательство, допускаемое законом, соответствовало положениям, целям и задачам Пакта и в любом случае было разумным в данных конкретных условиях¹⁷. Он принял к сведению указанную государством-участником цель такого вмешательства, которое, как предполагается, призвано служить мерой, необходимой для защиты латышского языка и обеспечения его надлежащего функционирования как целостной системы, в том числе посредством гарантирования целостности его грамматической системы. Комитет далее принял к сведению трудности, с которыми сталкивался латышский язык при советском режиме, и в связи с этим считает, что провозглашенная цель является законной. Вместе с тем Комитет считает, что вмешательство, которому подвергся в результате этого автор, создает серьезные неудобства, которые не являются разумными, учитывая тот факт, что они несоразмерны преследуемой цели. Хотя вопрос о законодательной политике и способах защиты и поощрения государственных языков лучше всего оставлять на усмотрение государств-участников, Комитет считает, что принудительное добавление изменяемого окончания к фамилии, которая использовалась в ее оригинальной форме на протяжении десятилетий, в результате чего меняется ее звучание, представляет собой вмешательство, которое несоразмерно цели обеспечения защиты государственного языка. Опираясь на предшествующие решения, в которых он отмечал, что защита, обеспечиваемая статьей 17, охватывает право *выбирать и менять* свое имя, Комитет считает, что эта защита тем более обеспечивает защиту лиц от пассивного принуждения к изменению имени со стороны государства-участника. В связи с этим Комитет считает, что одностороннее изменение государством-участником имени и фамилии автора в официальных документах не является разумным и соответственно составляет произвольное вмешательство в его частную жизнь в нарушение статьи 17 Пакта.

8.4 Выявив нарушение статьи 17 в отношении одностороннего изменения имени и фамилии автора государством-участником, Комитет не считает необходимым рассматривать вопрос о том, составляют ли те же факты нарушение статьи 26, статьи 27 или пункта 1 статьи 2 в сочетании со статьей 17.

9. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола, считает, что имеющиеся в его распоряжении факты свидетельствуют о нарушении статьи 17 Международного пакта о гражданских и политических правах.

10. В соответствии со статьей 2 Пакта государство-участник обязано предоставить г-ну Райхману надлежащее средство правовой защиты и принять такие меры, какие могут быть необходимыми для предотвращения аналогичных нарушений в будущем, в том числе посредством внесения изменений в соответствующее законодательство.

¹⁶ Замечание общего порядка № 16 (1988 год), пункт 4.

¹⁷ См. сообщение № 558/1993, *Канена против Канады*, Соображения, принятые 3 апреля 1997 года, пункт 11.4.

11. С учетом того, что, присоединившись к Факультативному протоколу, государство-участник признало компетенцию Комитета выносить решения по факту наличия или отсутствия нарушений Пакта и что согласно статье 2 Пакта государство-участник обязано гарантировать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам признаваемые в Пакте права и обеспечивать их действенными средствами правовой защиты в случае установления факта нарушения, Комитет хотел бы получить от государства-участника в течение 180 дней информацию о мерах, принятых для реализации сформулированных Комитетом Соображений. Кроме того, он просит государство-участник опубликовать Соображения Комитета.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии будет издано также на арабском, китайском и русском языках в качестве части ежегодного доклада Комитета Генеральной Ассамблее.]

Добавление

Особое мнение членов Комитета г-на Рафаэля Риваса Посады и г-на Кристера Телина (несогласное)

Большинство членов Комитета признали наличие нарушения в контексте данного дела. Мы позволим себе не согласиться с этим. Порядок рассуждения и выводы по существу сообщения, на наш взгляд, надлежит сформулировать следующим образом:

8.2 Что касается предполагаемого нарушения статьи 17, то Комитет принял к сведению заявление автора о том, что законодательное требование, устанавливающее латышское написание для его имени и фамилии в официальных документах после 40 непрерывных лет использования его оригинального имени и фамилии, привело к ряду повседневных затруднений и породило ощущение лишения и произвола, поскольку он утверждает, что его имя и фамилия "выглядят и звучат странно" в их латышской форме. Комитет напоминает, что концепция неприкосновенности частной жизни относится к той сфере жизни человека, в которой он или она может свободно выражать свою самобытность – либо в контексте отношений с другими людьми, либо индивидуально. Комитет далее выражает мнение, что фамилия составляет важный компонент самобытности человека и что защита от произвольного или незаконного вмешательства в частную жизнь включает защиту от произвола или незаконного посягательства на право выбирать и менять свое имя и фамилию¹. В данном случае имя и фамилия автора были изменены для того, чтобы обеспечить соблюдение латышских грамматических норм, в порядке применения статьи 19 Закона о государственном языке и других соответствующих правил. В связи с этим рассматриваемое вмешательство нельзя считать незаконным. Остается рассмотреть вопрос, является ли оно произвольным.

8.3 Комитет ссылается на свое Замечание общего порядка, касающееся права на личную жизнь², в котором он указал, что выражение "произвольное вмешательство" может также распространяться на вмешательство, допускаемое законом. Комитет отмечает, что статья 19 Закона о государственном языке государства-участника предусматривает широкий и общий принцип, согласно которому все имена должны соответствовать нормам латышского языка и писаться согласно латышским правилам. Комитет напоминает, что введение концепции произвольности призвано гарантировать, чтобы даже вмешательство, допускаемое законом, соответствовало положениям, целям и задачам Пакта и в любом случае было разумным в данных конкретных обстоятельствах³. Комитет принимает к сведению трудности, с которыми сталкивался латышский язык при советском режиме, принимает тот аргумент государства-участника, что языковая политика и принятые законы необходимы для защиты латышского языка, в том числе целостности его грамматической системы. Комитет подчеркивает, что вопрос о законодательной политике и способах защиты и поощрения государственных языков лучше всего оставлять на усмотрение государств, и при-

¹ См. сообщение № 453/1991, *Кориел и Орик против Нидерландов*, сноска 6 выше, пункт 10.2.

² Замечание общего порядка № 16 (1988 год), пункт 4.

³ См. сообщение № 558/1993, *Канена против Канады*, Соображения, принятые 3 апреля 1997 года, пункт 11.4.

знает цель государства-участника законной в данных обстоятельствах. Комитет далее признает, что вмешательство, которому подвергся в результате этого автор, было соразмерным преследуемой цели, и приходит к заключению, что оно было разумным. Таким образом, изменение государством-участником имени и фамилии автора в официальных документах не составляет произвольного вмешательства в его частную жизнь по смыслу статьи 17 Пакта⁴.

8.4 В том что касается статьи 26, Комитет принимает к сведению замечание автора о том, что по отношению к нему Закон о государственном языке, который может показаться нейтральным, приводит к дискриминации согласно статье 26 по признаку языка и этнического происхождения, поскольку он оказывает негативное влияние на меньшинство, не принадлежащее к числу этнических латышей и не говорящее на латышском языке. Он заявляет, что, в отличие от латышского большинства, он не может пользоваться своим именем в его оригинальной форме. Комитет напоминает, что нарушение статьи 26 может быть результатом дискриминационных последствий каких-либо постановлений или мер, которые на первый взгляд нейтральны и не направлены на дискриминацию. Однако говорить о том, что такая косвенная дискриминация основана на признаках, перечисленных в статье 26 Пакта, можно лишь в том случае, если негативные последствия каких-либо постановлений или решений исключительно либо несоразмерно затрагивают лиц, принадлежащих к определенной расе или имеющих определенный цвет кожи, пол, язык, религию, политические или иные убеждения, национальное или социальное происхождение, имущественное положение, место рождения или иное обстоятельство. Кроме того, постановления или решения с подобными последствиями не равнозначны дискриминации в том случае, если они основаны на объективных и разумных критериях⁵. С учетом обстоятельств рассматриваемого дела Комитет отмечает, что установление в статье 19 Закона о государственном языке порядка написания имен, который соответствует латышской грамматике, применяется в равной мере ко всем – как к этническим латышам, так и к представителям меньшинств, таких как евреи и русскоговорящее меньшинство. Соответственно, Комитет считает, что установленное ограничение основано на объективных и разумных критериях. В результате этого такое вмешательство не составляет дифференцированного обращения, противоречащего статье 26.

8.5 В отношении заявления по пункту 1 статьи 2, затронутому автором в сочетании со статьей 17, Комитет также считает, что оспариваемый закон, который в равной мере применяется ко всем лицам, находящимся под юрисдикцией государства-участника, основан на объективных и разумных критериях и, соответственно, не вызывает вопросов в связи с пунктом 1 статьи 2, рассматриваемым в сочетании со статьей 17 Пакта.

⁴ См. решения Европейского суда по правам человека в отношении дел *Кухареца против Латвии*, заявление № 71557/01 (7 декабря 2004 года), и *Менцена против Латвии*, заявление № 71074/01 (7 декабря 2004 года).

⁵ См. Замечание общего порядка № 18 (Недискриминация); см. также сообщение № 1474/2006, *Принс против Южной Африки*, Соображения, принятые 31 октября 2007 года, пункт 7.5, и Сообщение № 998/2001, *Альтхаммер и др. против Австрии*, Соображения, принятые 8 августа 2003 года, пункт 10.2.

8.6 Наконец, в отношении статьи 27 Комитет прежде всего отмечает, что автор, бесспорно, является представителем еврейского и русскоговорящего меньшинств в Латвии. Ссылаясь на свои более ранние заключения⁶, Комитет напоминает, что государства — участники Пакта могут регулировать деятельность, которая составляет неотъемлемый элемент культуры меньшинства, при том условии, что такое регулирование не является равноценным де-факто отрицанию этого права⁷. С учетом обстоятельств данного дела Комитет считает, что установление склоняемого окончания для его имени и фамилии не оказывает негативного влияния на его право сообща с другими представителями еврейского и русскоговорящего меньшинств Латвии пользоваться своей собственной культурой, исповедовать иудейскую религию или использовать русский язык. С учетом таких обстоятельств Комитет приходит к заключению, что рассматриваемое ограничение не составляет нарушения статьи 27 Пакта.

9. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола, считает, что имеющиеся в его распоряжении факты не свидетельствуют о нарушении каких-либо положений Международного пакта о гражданских и политических правах.

[Подписи]

Рафаэль Ривас Посада

Кристер Телин

[Совершено на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии будет издано также на арабском, китайском и русском языках в качестве части ежегодного доклада Комитета Генеральной Ассамблее.]

⁶ См., в частности, сообщение № 879/1999, *Джордж Хоуард против Канады*, Соображения, принятые 26 июля 2005 года, пункт 12.7, Сообщение № 197/1985, *Киток против Швеции*, Соображения, принятые 27 июля 1988 года, и Сообщения № 511/1992 и 671/1995, *Лянсман против Финляндии*, Соображения, принятые 30 октября 1996 года.

⁷ См. *Лянсман против Финляндии*, 511/1992, там же, пункт 9.4.